

Воспоминание о будущем

Блажен, кто смолоду был молод...

А.С. Пушкин

Несовпадение с возрастом – вещь неудобная. Печальна жизнь человека, лишённого детства. Юнец, глядящий на мир через презрительный прищур с усталой миной на лице, жалок так же, как влюбленный старик. Юность без дружбы, молодость без романтической любви, зрелость без семьи, старость без поддержки – не дай бог такой судьбы.

Нашему поколению повезло: у нас всё было вовремя. Мы росли в полных семьях при открытых дверях и с открытыми сердцами. Родители наши были молоды, красивы и жили полным дыханием. Глядя на них, и мы торопились взрослеть, завидуя их самостоятельности.

Школой, готовящей к этой активной многогранной жизни, был для нас комсомол. Меня принимали в ВЛКСМ в марте 1966 года в школе военного городка в 75 километрах от Красноярска. Мои ровесники были последним поколением, которое это событие воспринимало всерьез. Кандидатуры обсуждали на классном собрании, нескольких отвели как не внушающих доверия. До положенных 14 лет мне не хватало трех месяцев, так что я тоже была кандидатом на вылет, вернее, на пролет, но сия печальная участь меня миновала. Вместе с остальными счастливицами я начала «учить усиленно устав» ВЛКСМ и вникать в международную обстановку: вопросы у приемной комиссии были разные. Помню,

в заявлении о приеме написала: «Хочу быть в первых рядах строителей коммунизма», - и это была правда.

В день приема перед заветной дверью мы толпились в необыкновенном оживлении, уже ощущая себя причастными к великой истории, к единому содружеству, и каждого выходящего расспрашивали, что да как. День был ясный, настроение отличное, не помню, чтобы кто-то вышел, повесив нос.

Таким образом, в нашем 7 «Б» классе образовалась комсомольская ячейка из 12 человек, и первое время мы постоянно устраивали летучки и собрания по любому поводу после уроков, до уроков и даже на переменах в разных углах рекреаций и в пустых классах. Дебаты были бурными. Мне, к примеру, однажды чуть не вlepили выговор (держитесь за стул) «за излишнюю принципиальность». Как писал поэт: «О моя утраченная свежесть»!

Это было время комсомольскихстроек: Братск, Абакан-Тайшет, Красноярская ГЭС, время песен Пахмутовой, героической эстрады, представители которой не были на разные голоса по столицам в сомнительных нарядах, а надевали ветровки и ехали в тайгу, на строительные площадки, в наскоро сколоченные дома культуры, и пели не под «фанеру». Молодые, красивые, талантливые и одновременно скромные, свои, как они любимы были рабочей массой! Разве забудешь Иосифа Кобзона, певшего:

Ты да я – рабочая бригада,
Прямо скажем, с нами не шути!
Горы мы подвинем, если надо,
Если горы встанут на пути.

И – двигали! И всё это было рядом, близко: Дивногорск, заповедные красноярские Столбы, куда нас возили каждую весну с ночевкой в палатках, костром, чаем из черемуховых листьев и свирепыми комарами.

Я росла в семье советского офицера, каждые три года меняла место жительства, и принадлежность к комсомольской организации сразу включала меня в новый коллектив на равных. Школу я заканчивала в маленьком городке на Украине, которая тогда была благословенным краем как в смысле климата (особенно после суровой Сибири), так и общего настроения. Население было необыкновенно дружелюбным, никакого мата, грызни, сплошные улыбки. В городке было четыре

школы: одна русская, офицерская, и три украинских. Как только где-нибудь намечался какой-нибудь праздник (как их тогда называли, «вечер»), во все концы шли делегации приглашать на совместные танцульки. В зале яблоку негде было упасть, никто не подпирал стены, общим голосованием выбирали короля и королеву бала, на сцене играл самодеятельный ансамбль, пели самодеятельные звезды. Всё это сопровождалось либо состязанием типа КВН, либо тематическим концертом.

Фототехника тогда не имела такого распространения, как сейчас, когда запечатлевают каждый чих и пых, и от тех времен осталось несколько не особенно качественных фотографий. Но зрительная память оказалась более надежным хранилищем, чем компьютер, и мне ничего не стоит воскресить перед глазами «друзей моих прекрасные черты». Счастливые годы не забываются, и мне искренне жаль тех людей, которые говорят, что хотели бы забыть школу, как страшный сон. Они потеряли многое, если не всё. Не знаю, в каких школах они учились, но мне всегда везло на класс и на учителей. Возможно, потому, что жила я в глубокой провинции.

50-летие ВЛКСМ в 1968 году мы праздновали широко. По всему городу вечером школы вышли на факельное шествие (чистое безумие, если подумать!). В прежних местах жительства я такого не видала. Это была чисто украинская придумка. Играл оркестр, говорились речи.

В день праздника в Доме офицеров был концерт, гвоздем которого стало наше выступление. Мы поставили инсценировку песни Булата Окуджавы «До свидания, мальчики!», вдохновившись примером из фильма «Не самый удачный день» (1966). Желаящие могут посмотреть эпизод в студенческом кафе, куда заходит герой в исполнении Никиты Михалкова, нынешнего «бесогона» и «барина», который в этом фильме, кстати, азартно произносит монолог во славу декабристов. В определенный момент инсценировки наши девочки, одетые во всё черное, так отчаянно бросались на колени, что порвали колготки. Так, с дырами, и выходили на поклон. Зал бушевал, старики плакали, наши мальчики за кулисами подпрыгивали до потолка.

В 1970 году отец демобилизовался и мы переехали в Горький. С переездом и поступлением в пединститут совпало прощание с комсомольской романтикой. Я

попала в окружение, говорившее только о нарядах и женихах, с трепетом относившееся к национальной принадлежности. Работая после института в сельской школе, столкнулась с порочной практикой «загонять» в комсомол классами. Начиналась эпоха бюрократизации – 70-е годы, и никакие стройотряды и даже БАМ уже не в силах были изменить ситуацию тотального омещанивания общества. Это нашло прекрасное отражение в фильме «Юркины рассветы», где честному герою, комсомольцу, противостоит лощеный инструктор из райцентра, озабоченный только своей карьерой. Думается, он ее сделал через 20 лет, но это уже другая история. Лично мне не дано было постичь, какое отношение к строительству социализма и коммунизма могли иметь расплодившиеся мюзик-холлы с канканами, ювелирные магазины с бешеными ценами и Дома моделей с образцами одежды, в которой ни в транспорт не влезешь, ни на работу не пойдешь. Быстрее всего под изменчивый мир прогнулся, как всегда, женский идеал, плавно переформатировавшись из «комсомолки, спортсменки и просто красавицы» в «просто красавицу», озабоченную единственно тем, что «с любовью встретиться проблема трудная».

Современные режиссеры, страдая творческим бессилием, любят снимать римейки по старым советским фильмам. Рискну предложить два варианта сценария, по которым будет развиваться действие нынешней «Кавказской пленницы».

Вариант первый. Посидев в закрытой комнате на рублевской даче, Нина, просчитав свои шансы, выходит замуж за своего перезрелого жениха. Благодаря своей силе духа и неумемной сексуальности, она полностью подчиняет себе мужа, становится главой фирмы (корпорации, по выбору) и делает Шурика главным менеджером.

Вариант второй. Нина, после долгих душевных колебаний, смиряется с судьбой, выходит замуж за своего перезрелого жениха, через несколько лет становится образцовой женой и матерью многочисленного семейства, тайно (или явно, по выбору) занимаясь благотворительностью. Шурик принимает сан и становится ее духовником.

Оба варианта в духе времени. Но всё равно им не переиграть героиню Гайдая, которая была точным попаданием в десятку: в нее были влюблены все девчонки и мальчишки нашего поколения.

В.Н. Тумарь,
гл. библиотекарь МКУК ЦГБ им. В.И. Ленина